

Проза

Юрий Угроватый

Юрий Угроватый – референт-переводчик португальского и английского языков. Военный наблюдатель ООН. Шестнадцать лет находился в заграничных командировках в Анголе, Мозамбике, Западной Сахаре, Югославии, Сьерра-Леоне в качестве военного переводчика, военного наблюдателя ООН и представителя ООН. После увольнения в запас пять лет работал директором частной авиакомпании в Сьерра-Леоне, руководил частными охраняемыми предприятиями в России. Живёт в Санкт-Петербурге. Выпускник петербургского отделения литературной мастерской Е. Чижовой. С 2018 года постоянный участник литературной мастерской Д. Каралиса.

Автор сборника стихов «Встречный ветер», в 2018, 2019, 2020 годах публиковался в сборнике «Прозаик и поэт» (СПб.), в журналах: «Аврора», «Литературный микс»; участвовал в сборнике стихов «Зори над Великой».

ДУНАЙ

Грустная мелодия популярной тогда в России песни лилась из приёмника джипа Cherokee, на котором мы с Грэгом патрулировали свою зону ответственности:

Гудбай, Америка, бай,
Где я не был никогда...

– О Юрий, «очень карашо!» – эта часть фразы прозвучала по-русски, явно повышая самооценку собеседника: – Russian song about America!¹

Я смутился:

– Эта песня немного не о том.

– Как не о том? Я всё понял: чувак улетает из Америки, ему грустно. Надо возвращаться в долбаную Россию...

– Нет, Грэг, песня о разочаровании Америкой.

– Ерунда! С чего вдруг разочаровываться? Штаты – великая страна! Наша армия – великая армия!

– Понимаешь, этот парень поёт о том, что никогда не был в Америке, а нам рассказывали много прекрасной «лабуды» о вашей стране и армии. Оказалось, что всё не так.

– Не был, так пусть слетает! – раздражённо бросил американец. Я вообще не понял, что вам не нравится? Вы, русские, на первый взгляд, нормальные парни, но страдаете всякой ерундой.

После такой оценки я окончательно завёлся и уже не мог остановиться:

– Например, нам рассказывали по «телеку» про одну вашу воинскую часть во Вьетнаме, что отказывалась воевать, пока в столовую не привезут клубничное мороженое. Круто, конечно! – поддел я напарника.

– Не в мороженом дело!

– А в чём?

– В нашем общем превосходстве и в превосходстве американской армии, – назидательно вдалбливал Грэг.

– Ладно, ваше превосходительство, поехали! Нам ещё нужно съездить к американским инженерам. Кстати, рядом, насколько я знаю, будет стоять русский батальон.

Грэг покровительственно похлопал меня по плечу:

– Извини, старина, кого это волнует? Форсировать Дунай поручено нашим парням. С ООН покончено! Да здравствует НАТО!

¹ Russian song about America! – русская песня об Америке.

– Если честно, – не удержался я, – обидно. ООН так много сделала для того, чтобы в Югославии после всех ужасов распада страны наконец настал мир, а НАТО, как всегда, придёт пожинать лавры.

– Такова жизнь, старина! Это решение нашего правительства. Побеждает сильнейший! – И снова покровительственно похлопал меня по плечу.

Я отодвинулся к двери и стал смотреть в окно.

Не успел наш ооновский патруль выехать на пологий берег Дуная – пришла первая колонна «штатников», как мы – российские военные наблюдатели – их называли. Началось всеобщее «броуновское движение». Носились взад-вперёд солдаты и офицеры с рациями «уоки-токи», ревели дизельные двигатели, отравляя вонючим сизым дымом всё вокруг. Громоздкие «Хаммеры», динозавроподобные грузовики с понтонами, бронетранспортёры «Брэдли» заволокли окрестности. Создавалось впечатление мощи и несокрушимости. Невольно подумалось, что впору не «Гудбай, Америка!» слушать, а «Гуд морнинг, Америка!» запеть.

Через час весь глинистый берег оказался вдрызг перекопан колёсами и гусеницами. Несколько автомобилей сразу застряли в грязи, что, признаться, вызвало моё тихое злорадство.

* * *

Наконец, ближе к обеду, появились головные машины русбата. Наши прибыли без особой помпы, но как-то более организованно. Несколько регулировщиков с красными флажками указывали, куда кому ехать. Солдаты колышками со шпагатом размечали территорию подразделений. В колонне тоже хватало разной техники. Правда, назначение некоторых автомобилей мне не было понятно, но чувствовалось, что каждый в группе знал свой манёвр.

– Смотри, старина! Наши «Хаммеры» – ого-го! Сила! А у вас что за машины? Какие-то букашки! – с нескрываемой издёвкой подколол меня Грэг.

– Это «УАЗы». Заметь, ваши «Хаммеры» застряли в грязи, а наши – нет!

– Да кто знает эти «УАЗы»? «Хаммеры» известны всему миру!

– Разве это главное?

– А что главное?

– По-моему, ваших уже шесть машин застряло, а русских ни одной.

– Подумаешь, скоро их вытащат, – махнул рукой американец. – Просто здесь почва глинистая.

– Понятно! Вы, наверное, только на асфальте воевать собираетесь?!

– Просто ты завидуешь, Юрий.

* * *

Вокруг нас как грибы после дождя появились беспорядочно расположенные нейлоновые палатки американцев. Общительный Грэг немедленно познакомился с двумя батальонными офицерами. Одного – капитана – звали Стив, другого – майора – Брэнсон. Ребята оказались вполне компанейскими и пригласили нас зайти в свою палатку. Внутри было просторно и холодно, почти как на улице. Раскладушки стояли в два ряда. С удивлением увидел, что на них вместо белья тонкая белая бумага, похожая на туалетную. В углу столик с чашками и чайником. Под потолком тусклая лампочка на коротком проводе. Ребята угостили нас кофе. Мы пили из пластмассовых серых кружек, держа их заочеченными красными ладонями, не чувствуя обжигавшего сквозь пластик кипятка. Я поинтересовался:

– Вы всегда спите на бумаге вместо белья? Её, наверное, хватит всего на две ночи, а что потом?

– Потом нам должны привезти новые бумажные простыни, и так до тех пор, пока не построят постоянный лагерь из контейнеров со всем необходимым, – с готовностью пояснил Брэнсон.

– Вот именно, должны! – пробурчал Стив. – Не помню, чтобы тыловики хоть раз вовремя что-то делали.

– У нас принцип одноразовости, – вступился за своих Грэг, – поспал на простынях – выкинул, поносил пару дней носки – выбросил. Удобно!

– Размечтался: пару дней! – опять заворчал Стив. – Приходи через неделю – тут такая вонь будет! А трусы и майки вообще не меняют, а стирать-то негде, да и холодно!

– Ладно, парни, – явно желая уйти от щекотливой темы, перевёл разговор Грэг, – лучше угостите нас с Юрием сухими пайками.

Брэнсон расплылся в улыбке: «С удовольствием! Да и нам подкрепиться пора».

Он отошёл в угол палатки и достал из огромной картонной коробки четыре аккуратных упаковки, размером с толстую книгу каждая.

Сухой паёк впечатлил. Чего там только не было: баночка консервов с саморазогревом, галеты, соль, сахар, перец, кетчуп, продолговатая мини-баночка сардин, микроупаковка сливочного масла и джема, какие дают в самолёте. На каждой коробке указана энергетическая ценность продукта. Кроме еды, к набору прилагалась упаковка салфеток, зубочистка и даже палочка для чистки ушей.

Мы с Грэгом с удовольствием наворачивали подогретую фасоль с мясом. Потом не удержались и принялись за галеты с сардинами.

Я заметил, что хозяева ели с гораздо меньшим энтузиазмом.

– Как тебе наши пайки? – поинтересовался Грэг, явно предполагая мой восторженный ответ.

– Супер! У нас такого пока нет. Точнее, пайки имеются, но без разогрева и других приамбасов. Зато есть полевые кухни.

– Это что за фигня? – пренебрежительно поинтересовался Брэнсон.

– Скоро наш батальон развернётся, и я постараюсь пригласить вас в гости. Тогда всё и увидите.

Мы по-дружески попрощались с хозяевами. Не успели отойти и десяти шагов, как к нам подскочил подвижный, как ртуть, человек в гражданском:

– Боб Пэддингтон, журналист CNN. Парни, разрешите задать вам пару вопросов?

Грэг приосанился и шагнул вперед, оттесняя меня плечом.

– Грэг Прайс, американский военный наблюдатель ООН.

Чувствовалось, что это была минута славы для моего напарника. Он уверенно рокотал об обстановке в зоне нашей ответственности, не давая журналисту вклиниться со своими вопросами. Конца его восторженному отчёту не было видно. Я стал замерзать на холодном ветру, демонстративно приотпывая заледневшими берцами. Корреспондент, видимо, прикинув, что пора остановить бесконечно осведомлённого Грэга, перекинулся на меня:

– Сэр, вы тоже наблюдатель?

– Угадали, но я российский военный наблюдатель.

– Российский?! – разочарованно протянул наш шарнирный интервьюер. – О'кэй, я поговорю с вами в другой раз. Увидимся, парни! – и так же быстро, как и появился, понёсся на своих шарнирных ногах куда-то в сторону реки, где бригада гражданских строителей возводила непонятное массивное сооружение из металлических конструкций.

По лицу Грэга блуждала довольная улыбка. Он пребывал в приподнятом настроении и не мог сдерживать переполнявших эмоций:

– Представляешь, меня покажут по CNN! Жена, дети, родители – все увидят! Вот что значит американская армия и американские СМИ! Учитесь у Америки!

– Хватит петь, как соловей. Нам пора! – оборвал я его, не скрывая раздражения.

На следующий день я твёрдо решил заехать в русбат.

* * *

Рано утром меня разбудил рёв телевизора в гостиной. Грэг смотрел CNN, с волнением ожидая репортажа со своим участием.

– Старина, ты, наверно, не ложился спать этой ночью? – съязвил я.

– Кончай завидовать, Юрий.

– Хотел бы, да это выше моих сил, – продолжая его дразнить, я устремился в ванную, радуясь, что первым приму душ. Сквозь шум воды я услышал победный вопль своего сослуживца:

– Юрий, Марио, Аднан! Сюда, скорей – сейчас меня покажут! Да скорее же, придурки!

Обернув полотенце вокруг пояса, я рванул в гостиную. Телевизор гремел на полную. Рядом толпились сонные офицеры.

Грэг величественно восседал в кресле перед телевизором и возбуждённо комментировал:

– Смотрите, вон тот чувак-журналист! А это я! Видите?

На несколько секунд мелькнула физиономия Грэга, прозвучал обрывок фразы о взаимодействии с американскими частями. Затем камера переместилась в сторону реки и застыла на огромном электронном табло с надписью: «Армия США. До форсирования Дуная осталось семьдесят два часа».

Наконец-то я понял назначение этого шестиметрового сооружения, над которым упорно трудились гражданские американцы.

– Ура, парни, бинго! Я в кадре! – восторженно вопил Грэг.

– Поосторожней, на всякий случай проверь свои брюки, – с серьёзным выражением лица заявил главный остряк группы итальянец Марио.

– Что?..

– Я говорю: брюки проверь, а то как бы ты их не намочил от радости.

– Вали отсюда, макаронник! – рассердился Грэг.

Впрочем, в то утро испортить ему настроение было невозможно. Он быстро оделся и решительно объявил:

– Поеду в штаб, позвоню по спутниковому жене. Пусть сообщит родным и знакомым.

Аднан и Абдулжабар, как принято у восточных людей, подошли поздравить виновника переполоха. Грэг снисходительно выслушал и с нескрываемым превосходством принялся наставлять:

– Американская армия и американские СМИ! Учитесь, парни!

Слушать бахвальство Грэга не было сил. Я не удержался от вопроса, решив кое-что уточнить:

– Почему так долго?

– Что долго?

– Смотри, на экране написано: до форсирования Дуная семьдесят два часа. Так?

– Ну и что?

– Получается, что с прибытия колонны прошли почти сутки. Значит, всего на форсирование реки уйдёт четыре дня.

Грэг подозрительно слушал, не понимая, куда я клоню.

– Русские обычно форсируют реки в день подхода колонны. Причём за несколько часов.

Сбитый с мажорной ноты, Грэг недоверчиво протянул:

– Так я тебе и поверил! Просто ты – завистливый чувак!

* * *

На следующий день, в патруле, я предложил заехать в русбат.

– Чего мы там не видели? – пробормотал усталый Грэг.

– К вам вчера заезжали? Теперь – давай к нашим, – настаивал я.

– О`кей! Хочешь – поехали! – нехотя согласился американец.

Палаточный лагерь русских на берегу Дуная поражал чёткостью линий и разумной организацией по контрасту с американским хаосом. Огромные брезентовые палатки стояли ровными рядами, выстроенными по шпагату. Чуть поодаль, в сторонке, расположился автопарк, огороженный колючей проволокой, с деревянной вышкой в центре. У штабной палатки нас остановил часовой с автоматом:

– Стой! Предъявить документы!

После переговоров солдат согласился пропустить к комбату только меня, подозрительно косясь на американский флажок на рукаве напарника.

С комбатом удалось договориться быстрее, чем с часовым. Он выслушал, вызвал по телефону-вертушке ротного и коротко приказал:

– Сергиенко, покажи наблюдателям наше хозяйство.

Мы с Евгением (так звали провожатого) подхватили по пути Грэга, заочневшего на ледяном ветру, и двинулись в глубь территории. Так мы дошли до палаток, где размещалась рота Евгения. Войдя в крайнюю, мы с интересом осмотрелись. Просторная брезентовая палатка, десять кроватей – по пять с каждой стороны – идеально заправлены, с натянутыми в струнку тёмно-синими армейскими одеялами.

– Вау! Как они это делают?! – не сдержал своего удивления Грэг.

Евгений расплылся в улыбке:

– Армейская хитрость: натягивают по нитке.

– Зачем? – не унимался Грэг.

– Порядок, – посерьёзнев, ответил Евгений, – во всём должен быть порядок.

– В нашей армии тратить время на такую ерунду никто не станет! – не желал соглашаться Грэг.

– Если умеешь – это быстро, – продолжал убеждать ротный. Одеться – сорок пять секунд, заправить кровать – три минуты и готово!

Грэг продолжал внимательно осматривать помещение:

– А это что за хрень такая? – он выразительно поднял брови, показывая взглядом на стопку дров у буржуйки с трубой.

– Печка в холода – первое дело! – удивился вопросу ротный.

– Разве у вас нет электрообогревателей? – демонстративно недоумевал американец.

– Толку от них зимой немного, да и мощности полевой электростанции на всё не хватит.

– Прошлый век, – фыркнул Грэг и выразительно покачал головой.

Экскурсия продолжалась, и мы пошли дальше. Остановились у грузовика ГАЗ-66 с фургоном. Внутри стояли два огромных барабана стиральных машин.

– Здесь стираем постельное и нижнее бельё, – пояснил Евгений.

Дальше была машина-душевая, хлебопекарня и полевая кухня. Грэг приумолк и больше вопросов не задавал. По напряжённому лицу напарника я понимал, что он не собирается сдаваться. После вкусного борща и котлет с картошкой он, сыто отрыгнув, решил срезать Евгения неожиданным вопросом:

– Скажите, а сколько в этом обеде калорий?

Евгений ненадолго задумался, потом ответил:

– Калорийность пайков у нас рассчитывается централизованно в управлении тыла вооружённых сил.

– Нет, – не унимался Грэг, допивая вторую кружку компота, – вы мне скажите, сколько калорий в этом конкретном обеде?

– Он что, боится поправиться? – обращаясь ко мне, недоумевал Евгений.

– Понты кидает, не обращай внимания, – ответил я, начиная раздражаться.

– Тысяча семьсот калорий, – явно наугад брякнул ротный.

Грэг выслушал и подозрительно на него посмотрел.

* * *

CNN теперь каждый день показывала репортажи о подготовке к форсированию Дуная. Цифры часов на огромном табло стремительно таяли. Наконец решающий день наступил. Мы с Грэгом не могли пропустить такое событие и с утра прибыли к месту переправы. Зашли в палатку к старым знакомым Стиву и Брэнсону. На полу валялись огрызки яблок, целлофан от упаковок сухих пайков, смятые пивные банки, обрывки одноразовых простыней. Стив, оказавшийся на месте, смущённо попытался затолкать носком ботинка всё это «великолепие» в угол.

– Извините за бардак, парни. Мы сильно заняты – сегодня переправа.

– Само собой, – поддержал Грэг, – нам некогда ровнять одеяла по нитке! – и многозначительно посмотрел на меня.

Я поспешил выйти на улицу, чтобы лишний раз не вдыхать запахи несвежего белья и остатков пищи.

* * *

Число журналистов и телевизионщиков на берегу зашкаливало. Работали две американские теле-студии и Euronews. Корреспонденты печатных изданий, как мошкara, вились вокруг табло возле зоны форсирования, фотографируя всё подряд.

За час до начала главного события откуда-то появился военный оркестр. Музыканты не спеша расположились возле табло и принялись, не обращая внимания на общую суматоху, извлекать из своих инструментов бодрые звуки. Наконец американский полковник, видимо, устав от многочисленных интервью, скомандовал начинать.

Окрестности тут же наполнились хриплым рёвом машин и едким дизельным дымом. Поначалу даже не было слышно браваурных мелодий оркестра. Одному зазевавшемуся журналисту грузовик переехал ногу. Коллеги на плащ-накидке потащили беднягу в лазарет. Майор с рацией «уоки-токи» координировал действия с группой на другой стороне реки.

Неожиданно недалеко от переправы, как из-под земли, появился «шарнирный» журналист CNN со своим оператором.

– Грэг, привет! Как дела? Что вы чувствуете, когда наши парни форсируют Дунай? – скороговоркой выпалил он, тыча в напарника микрофоном.

Грэг приосанился и, вмиг одухотворившись, понёс «пургу» про свою страну и армию.

Мне стало противно наблюдать это шоу. Я повернулся к реке и понял: что-то пошло не так. Увидел, как несколько понтонов, установленных поперёк реки, стали двигаться в сторону, всё дальше отходя от назначенной линии. Военные на берегу пытались вернуть их назад при помощи тросов, прицепленных к тягачам, но было поздно. Понтоны зелёной змеей вольно поплыли по Дунаю, издевательски покачиваясь на волнах. Внезапно наступила тишина. Через несколько минут мимо нас прошёл явно озадаченный полковник со свитой. «Шарнирный» бросился наперерез:

– Сэр, что вы можете сказать о сложившейся ситуации? Когда возобновится переправа?

Ответ полковника развенчал расхожее мнение о недостатке ругательств в английском языке. Он разукрасил свою речь такими эпитетами, что оператору пришлось срочно выключить камеру.

* * *

Мы возвращались на базу в полной тишине. Было такое ощущение, что где-то рядом покойник и лишнее говорить ни к чему. Грэг сосредоточенно крутил баранку. Я попытался как-то утешить его в духе «со всеми бывает!», но он в ответ неожиданно на меня набросился:

– Конечно, российской армии легко форсировать реки! Экология – не ваша забота! Что станет с травой и растениями – наплевать?! Тренируйся хоть каждый день. А нам зелёные не дадут. Вот и получается, что многие из наших парней участвовали в операции в первый раз.

Я скептически промолчал, вспомнив развороченный «Хаммерами» и грузовиками берег...

* * *

Наутро на табло опять запустили обратный отсчёт. До форсирования Дуная снова оставалось семьдесят два часа. К вечеру я с удивлением увидел, что добавили ещё сорок восемь. Грэг, заметив мою усмешку, поспешил пояснить:

– Ждут новый понтонный комплект из Германии.

– Нечего дурью маяться! Взяли бы наш, российский, и дело с концом!

– Ты, наверное, шутишь?! Как-нибудь без советчиков обойдёмся.

Второй понтон уплыл через пять дней так же предательски, как и первый. Местные югославские газеты поспешили выйти с заголовками в духе «Наш батюшка-Дунай показал “пиндосам”, кто сильней». «Пиндосами», то есть носильщиками, югославы стали за глаза называть американцев за то, что они постоянно таскали на себе не только винтовки, но и всё снаряжение. Объясняли, что делают это для страховых компаний, которые отказывались платить, если пострадавший солдат не был полностью экипирован.

В результате явно провальной операции американцы стали любимой мишенью местной прессы. В газетах мелькали карикатуры навьюченных рюкзаками, свёртками и лопатами толстяков, растерянно провожающих взглядами уплывающие понтоны.

* * *

Тот визит в американский лагерь стал последним. Стив и Брэнсон обдали нас жутким перегаром, когда мы переступили порог палатки. Точнее, встретил один Стив. Брэнсон валялся в полном отрубке на раскладушке, намертво зажав в свисающей руке недопитую бутылку виски. Ветер, проникавший через приоткрытый вход в палатку, лениво перекачивал по полу пустые пивные банки.

– Ну что, русский, посмеялся над нами? – невесело произнёс Брэнсон. Потом расстроено добавил: – Правильно! Сколько раз начальству говорил, что серьёзные дела без тренировки не делаются!

Я молча выслушал и, чтобы сменить большую для них тему, сказал:

– Холодновато! Забыли вход прикрыть?

– Какое там? Эти грёбанные калориферы весь кислород сжигают, спать невозможно.

Поняв, что разговор опять вырывает не туда, я попрощался, сославшись на усталость, и вышел на воздух. Через несколько минут появился Грэг, нагруженный коробками с сухими пайками. Протянул мне три штуки. Я сдержанно поблагодарил, хотя первый восторг по поводу этих консервов с галетами давно прошёл.

Перед отъездом к себе мы увидели, что рабочие не спеша разбирают электронное табло. Увы, многообещающее шоу бесславно закончилось...

* * *

Через неделю по делам заехали в русбат. Командир роты Евгений встретил как старых знакомых, приветливо улыбаясь. В штабной палатке по-прежнему чисто и уютно. От печки-буржуйки исходило и обволакивало приятное тепло.

– Как дела, Женя? Решили с Грэгом вас навестить. Мы не с пустыми руками, а как положено, с гостинцами, – и протянул ему коробки с сухими пайками.

– Спасибо, – сдержанно ответил тот и потом вполголоса, как будто Грэг мог его понять, произнёс: – Не вози больше – у нас их полно. Никто есть не хочет. «Пиндосы» то и дело приносят, чтобы на хлеб поменять. Кстати, сегодня у нас гороховый суп и гречка с мясом – приглашаю.

В батальонной столовой негромко работал телевизор. Неожиданно ротный дёрнул меня за рукав:

– Смотри!

На экране шёл сюжет об учениях Приволжского военного округа. Колонна наших войск с ходу форсировала Волгу. Сапёры за несколько часов навели переправу ещё до подхода основных сил. Я подробно всё перевёл Грэгу. Он хмуро выслушал меня и что-то опять пробурчал про экологию.

Перед отъездом Евгений поинтересовался:

– Ты в курсе, чем их операция закончилась?

– Нет, так и не дождались.

– Умора! Только на двенадцатый день сподобились! У нас за такое форсирование всех командиров снимали бы. Да, самое главное: они в конце концов советский понтонный комплект из Восточной Германии припёрли.

* * *

В тот день была моя очередь рулить. Проехав несколько километров обратного пути, я свернул к переправе.

– Ты куда? Мы же не собирались, – недовольно пробурчал Грэг.

– Хочу кое-что тебе показать.

Переправа действовала! Я подошёл ближе. Так и есть! Неброская металлическая табличка: «Вооружённые силы СССР. Войсковой понтонный комплект» и номер. Я перевёл Грэгу. В первый раз он смолчал и отвёл глаза.

Рядом по замусоренному лагерю слонялись бродячие собаки. С перепаханной вдоль и поперёк земли солдаты снимали последние палатки.

Чтобы развеять напряжённую тишину в машине, я включил радио. Как и две недели назад, слышался знакомый грустный голос: «Гудбай, Америка, бай...»

– Слушай, Грэг, как воевать-то будете, если что? – неожиданно вырвалось у меня.

– Ничего, как-нибудь! У нас большой опыт – авиация, флот... Но лучше всё-таки не против вас. А песня твоя – фигня! Нечего тоску нагонять... – и переключил приёмник.

На другой волне передавали об успехах американских войск в Югославии...

*Санкт-Петербург,
2019 г.*